

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И «НАРОД»: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОПОНИМАНИЯ (XIX – начало XX в.)

Михайлюк А.В.

г. Днепрпетровск. Украина

Тема социокультурного раскола неоднократно возникала в истории русской общественной мысли. Для дореволюционной России был характерен разрыв в культуре между социальными слоями. Резкая грань пролегла между сельским и городской сообществами, сельской культурой и городской цивилизацией (используя терминологию О.Шпенглера). Современники отмечали, что разрыв между городом и селом был не только экономический, но и психологический и даже языковой. Внутри одной страны по существу возникли два типа цивилизации.

Интерес к своему «народу», который фактически отождествлялся с крестьянством, пробудился у «образованного слоя» Российской империи с конца XVIII в., главным образом, под воздействием идеологии Просвещения и романтизма. В представлении интеллигенции «народ» выступает не как реальный феномен, а как социальный конструкт. Интеллигенция, с одной стороны, преклоняется перед народом, но с другой – она его выдумывает. Интеллигенция стремилась «служить народу», то есть идеальному образу, созданному ею самой. Но когда представители «просвещенных слоев» столкнулись с реальным, а не вымышленным ими народом, то они увидели, опять же, искаженный образ «Грядущего Хама». Интеллигенция была поражена инфантильностью и безответственностью крестьянства, его социально-хозяйственной патриархальностью, «культурной дикостью». Представление о крестьянстве как о «досадном анахронизме» были достаточно распространены в среде интеллигенции. Впрочем, это вполне могло сочетаться с «любовью к народу». Особенно сакрализированным элементом в комплексе интеллигентской политической культуры являлось представление о «страдающем народе», почвенническая мечта о сближении с ним ради осуществления идеалов социальной справедливости. Это была своего рода изнанка патерналистского деспотизма государства по отношению к крестьянству, от которого интеллигенция и хотела его защитить. Но, выдавая себя за «радетелей» об участи крестьянства, интеллигенция, искала, главным образом, политических дивидендов в противоборстве с бюрократией. При этом собственно «народ», «крестьянство» служат лишь поводом для идеологических битв, реальные задачи которых связаны с интересами идеологов.

Крестьяне, со своей стороны, воспринимали интеллигенцию традиционно как «начальство», а их отношение к ней продолжало носить официально формальный характер. «Народ, – писал Н. Г. Чернышевский, – не делает разницы между людьми, носящими немецкое платье». «Крестьянский мир» подозрительно, а часто и враждебно относился к интеллектуальным исканиям, моральным терзаниям и «выходам в народ» образованного меньшинства. Показная любовь к «народу» была частью фундаментального непонимания между «образованными» слоями и их собственными крестьянами, имеющими то же этническое происхождение. Национализм со свойственным ему идеализацией народа и традиции – побочный продукт модернизации, он апеллирует к традиции, но это не более чем «изобретена традиция» (Э.Геллнер), своего рода игра в традиционализм, имеющая весьма отдаленное отношение к традиции подлинной.

Интеллигенция, являлась продуктом модернизации, перебивала в европеизированной культуре, для которой культура традиционного общества далека и непонятна. Интеллигенция и подходит к «народу» с западноевропейскими критериями, ищет в народе проявление западных ценностей. А поскольку то, что не отвечает этим критериям, не может считаться культурой, постольку народ предстает интеллигенту в образе темной стихии. Представители модернизированных социальных групп относились к крестьянству с пренебрежением, враждебностью, снисходительной жалостью, или романтическим пиететом. Понятно, что такое представление значительно отличается от представления о себе самих крестьян. В этом плане крестьяне разных стран могли бы понять друг друга лучше, чем разные сословия одной страны.